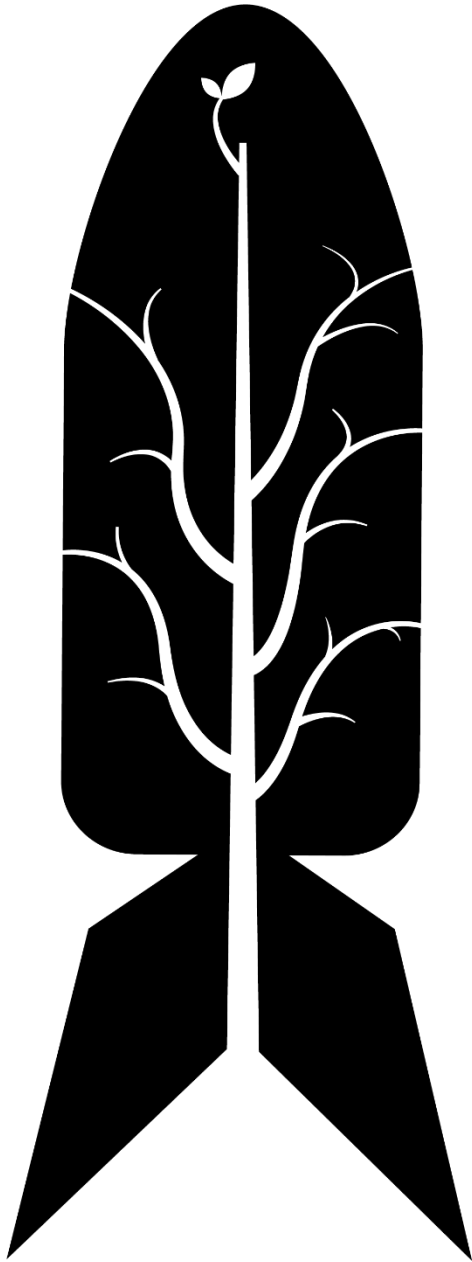

UWEC WORK GROUP issue

U W

E C

**Ukraine War
Environmental
Consequences
Work Group**

*Issue # 8
2022 UWEC work group*

Дорогие друзья!

На этой неделе на саммите G20 президент Украины Владимир Зеленский назвал 10 пунктов плана по прекращению войны. Среди них кроме вопросов ядерной, продуктовой и энергетической безопасности был вопрос экоцида и защиты окружающей среды. Нахождение решений по всем этим пунктам позволит остановить войну, а также способствует решению других глобальных проблем. Таких, например, как потеря биоразнообразия и сложности адаптации к изменению климата.

Для достижения этих целей необходимо согласованное и ориентированное на “зелёное будущее” действие всех государств. В том числе и Украины, законодательство которой все еще далеко от оптимального. В частности, это касается вопроса лесозащиты. Незаконные вырубки в стране продолжают и Украина с каждым годом все больше теряет свои главные “зелёные” ресурсы. К сожалению, пока не принято оптимального правового решения, а война даже внесла свои негативные коррективы. Например, по отмену “режима тишины”, когда нельзя проводить какую-либо лесозаготовительную деятельность. Что происходит сегодня в сфере лесного законодательства в Украине и как на него влияет война читайте в статье экспертов Украинской природоохранной группы.

- [Невидимые последствия войны для украинских лесов](#)

Вопрос продуктовой безопасности осветил с новой стороны ряд спорных проектов, которые планировало реализовать правительство Украины. Например, использование дельты Дуная в качестве транспортной артерии. То, что это неэффективный и неудачный проект как с экономической, так и с природоохранной точки зрения наглядно продемонстрировала в своей статье наша экспертка Валерия Колодежная.

- [Стоит ли Украине продолжать строительство канала в дельте Дуная?](#)

Однако конечно же самым главным вопросом, без которого невозможно начать реализовывать план, сегодня является возвращение Украине оккупированных территорий. Многие из них обладают уникальным значением с точки зрения биоразнообразия и природоохранного значения. И одно из первых мест в списке занимает Крым. Сегодня UWEC Work Group работает над серией экспертных статей, посвященных влиянию войны на полуостров. Уже в этом выпуске нашей рассылке вы можете посмотреть инфографику, которая наглядно демонстрирует последствия оккупации и милитаризации для уникальной природы Крыма.

- [Милитаризация Крыма. Инфографика](#)

И конечно же достижение десяти целей невозможно без активного участия в нем гражданского и экологического сообщества, в том числе и российского. Как сегодня в условиях войны работают российские экологические активисты, что они делают, имеют ли они инструменты и возможности защищать свои территории в условиях укрепления авторитарного режима, какова их позиция в отношении войны – все это вы узнаете из интервью с Виталием Серветником, Co-Chair of the Russian Social-Ecological Union.

- [Сопротивление не бесполезно. Как выживает российский экологический активизм в условиях войны. Интервью с Виталием Серветником](#)

Еще больше новостей об экологических последствиях войны в Украине читайте на наших страницах в [Twitter](#) и в [Facebook](#).

Сил вам и мира!
Редактор UWEC Work Group,
Алексей Овичников

Невидимые последствия войны для украинских лесов

Егор Гриник, Украинская природоохранная группа

Во время войны многие процессы, происходящие в Украине, остаются незаметными широким кругам общественности. Одно из таких направлений - лесная политика. В стране сегодня прогрессирует неустойчивое ведение лесного хозяйства, в целом уменьшается количество лесов, увеличиваются объемы и значительно ослабевает процедура согласования рубок. Все это никак не связано с прямым воздействием боевых действий, однако является значимой проблемой для страны. Которую необходимо решать в военное время.

Как и в большинстве стран мира, в Украине было немало проблем с лесами и до начала полномасштабного российского вторжения в 2022 году. Главных угроз было две.

Первая – это деградация лесов из-за неустойчивого ведения лесного хозяйства. Ежегодно Украина [теряет природные леса](#), на месте которых создаются искусственные посадки, уязвимые в условиях изменения климата и бедные с точки зрения биоразнообразия. Причиной тому становятся устаревшие подходы к ведению лесного хозяйства, которые базируются на советских практиках «освоения природы». Проблема усугубляется и незаконными рубками, которые проводят сами же лесоводы.

Вторая угроза – обезлесение. Точная оценка ежегодных безвозвратных потерь лесов отсутствует. Но такие потери постоянно происходят. Леса незаконно приватизируются для застройки. Через леса прокладывают дороги, газопроводы и линии электропередач. [Раскорчевывают самосевные леса](#), чтобы расчистить землю под поля. Каждый раз находится своя причина, но с каждым годом лесов в Украине становится меньше.

Исчезли ли такие угрозы с началом полномасштабного российского вторжения? Нет, и скорее даже наоборот. Взять хотя бы деградацию лесов.

Украинские власти уже давно вынашивали планы увеличить объемы рубок в Украине. С началом вторжения эти планы начали реализовываться. Министр защиты окружающей среды Украины Руслан Стрелец, как и председатель Гослесагентства Юрий Болоховец, еще весной 2022 г. [прямо заявляли о намерении рубить больше](#), вплоть до 150% от прошлогодних объемов.

Такие планы объясняются просто. Во-первых, в условиях войны украинская экономика переживает не лучшие времена. Отсюда и речь об увеличении объемов рубок. Во-вторых, российские войска умышленно уничтожают украинскую энергосистему ракетными ударами. Как следствие, люди стихийно запасают дрова на зиму. Государство также идет на встречу и обещает снабдить дровами всех. В-третьих, немало древесины необходимо для нужд армии.

Фото: незаконные санитарные рубки в Украинских Карпатах, автор Егор Грыник

Проблема в том, как именно эти планы будут реализованы. К сожалению, как это уже прямо декларируется чиновниками, в первую очередь под топор идут не искусственные посадки сосны или ели. И не леса из инвазивных видов, что было бы лучше с точки зрения охраны природы. В первую очередь, увеличение объемов рубок коснется остатков наиболее ценных старых природных лесов Украины.

Увеличение объемов рубок уже наблюдается во многих областях Украины. Где-то на 15% больше, чем в 2021 году, а где-то – почти вдвое больше. Уже [есть случаи](#), когда под видом «дров для населения» лесоводы пытались вырубить не просто здоровые леса, но и имеющие заповедный статус. Зимний период только наступает, так что для украинских лесов это только начало проблем.

К тому же за короткий период войны Верховная Рада Украины и чиновники центральных органов власти сделали немало для того, чтобы с юридической точки зрения стало рубить проще. Например, депутаты изменили законодательство, отменив “[сезон тишины](#)” – запрет на рубки в заповедных и некоторых других лесах с 1 апреля по 15 июня, в период размножения многих животных. Хотя совсем недавно, когда во исполнение требований Бернской конвенции была

введена эта норма, она преподносилась как важное достижение на пути евроинтеграции законодательства Украины.

Решением Кабинета Министров Украины к картам лесов и многим ранее публичным документам [закрыли доступ](#). Например, теперь вообще невозможно узнать, где планируется проведение рубок в национальных парках, биосферных заповедниках, а также во многих лесах Украины.

Более того, Государственная экологическая инспекция Украины - главный контролирующий орган - с начала вторжения [не имеет права](#) проверять лесхозы вообще, либо очень ограничена в проверках. Потому проблема незаконных рубок также может существенно обостриться. Особенно, если добавить необоснованный запрет на посещение лесов гражданами, который сейчас действует во многих регионах Украины и не позволяет общественным активистам отслеживать незаконные рубки непосредственно на местах.

Многие юридические проблемы могут возникнуть еще впереди. Например, законопроект №8058, который сейчас рассматривается Верховной Радой Украины. В случае принятия он [позволит Кабинету Министров Украины менять любые процедуры](#), связанные с рубками леса, без общественных обсуждений. На практике это значит, что Кабмин сможет в кулуарном режиме снять немало «экологических» ограничений на рубки леса, развязав руки лесоведам.

Некоторые потенциально негативные юридические изменения природоохранникам удалось предотвратить. К примеру, еще весной Минприроды [планировало убрать большинство ограничений](#) на санитарные рубки лесов. Но активное противодействие экологических НПО позволило сохранить действующие ограничения.

Проблема не только в том, что с лесами и управлением ими становится хуже. Многие положительные процессы, которые происходили до полномасштабного вторжения, поставлены на паузу или двигаются очень медленно. Например, создание новых национальных парков или расширение уже существующих. С февраля 2022 г. этот кропотливый и трудоемкий процесс, требующий привлечения многих сторон, почти остановился. Многие леса, которые могли бы стать национальными природными парками и заказниками уже в 2022 году, все еще находятся под угрозой нецелесообразных рубок.

Ситуация с обезлесением выглядит ненамного лучше. Какие-либо точные оценки пока отсутствуют. Но вполне вероятно, что темпы потери самосевных лесов более значительны, чем до начала российского вторжения. Ведь миллионы гектаров сельскохозяйственных земель Украины оккупированы или заминированы. Власти уже пытаются компенсировать такие потери сельскохозяйственных территорий за счет более активного освоения дополнительных земель на подконтрольной территории. А это значит и выкорчевывание ранее заброшенных сельхозугодий, успевших зарости лесом.

Описанное выше – лишь часть «неочевидных» проблем, созданных войной для украинских лесов. В отличие от минирования лесов или масштабных пожаров такие проблемы почти не попадают в фокус СМИ. Но их влияние на леса может быть даже более значительным.

Фото: Егор Грыник

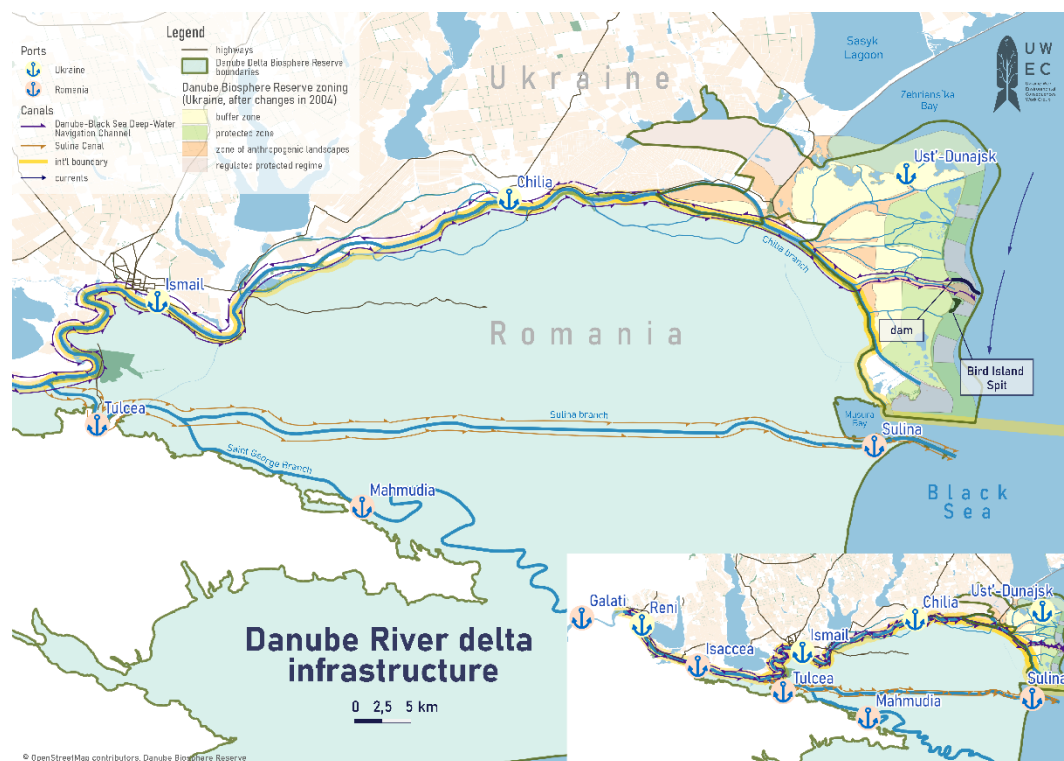
Можно ли избежать столь негативных влияний на леса в результате повышенного спроса на древесину? Хотя бы частично – “да”. Увеличение объемов рубок может происходить за счет искусственных лесов и лесов из инвазивных видов, а не за счет остатков старых естественных лесов. Самосевные леса тоже можно сохранить. Но для этого нужна политическая воля, а также внимание общества и медиа. Пока что такое внимание отсутствует.

Стоит ли Украине продолжать строительство канала в дельте Дуная?

Валерия Колодежная

Во избежание глобального продовольственного кризиса, Украина вынуждена искать новые пути вывоза зерна. Все большее значение в решении этого вопроса приобретает Дунай – одна из крупнейших рек Европы, на которой в начале 2000-х уже начинали строительство судоходного канала. Сейчас в повестке дня строительство второй очереди. В начале проект имел достаточно много противоречий – резонно ли возобновлять работы? Эксперты UWEC анализируют новые планы с экологической точки зрения.

В связи с блокированием РФ продолжения Черноморской Зерновой инициативы, привлекательность использования реки Дунай (одной из крупнейших рек Европы) для судоходства возросла как для Украины, так и для многих других стран. В прошлом развитие транспортной инфраструктуры на Дунае всегда было сопряжено с различными сложностями и полярностью мнений. Идеи любого строительства в дельте реки стали восприниматься особенно неоднозначно, начиная с 1998 года, когда Дунайский заповедник получил статус биосферного и был включен в программу ЮНЕСКО “Человек и биосфера”.

Тем не менее есть основания полагать, что Украина готовит почву для возобновления работы как над глубоководным судовым ходом (ГСХ) в дельте Дуная, так и над развитием портовой инфраструктуры.

Первая попытка строительства ГСХ приходится на начало 2000-х. И хотя ученые и общественные активисты из 90 стран мира выступили против, на территории резервата ЮНЕСКО все же была завершена первая стадия проекта. Иллюзия экономического чуда – доходов, которые должен приносить канал, быстро развеялась, а вот предостережения, о которых предупреждали экологи, сбылись. Удается ли за второй попыткой переиграть сценарий по стратегии win-win? Мы попытаемся разобраться с этим вопросом в данной статье.

В чем ценность дельты Дуная

Дельта Дуная – центр биоразнообразия мирового масштаба, вторая по величине дельта в Европе и лучшая из сохранившихся европейских дельт. Она расположена на границе Украины и Румынии (см карту), и представляет собой 3446 км² пресноводных болот, озер, а так же искусственно созданных в прошлом прудов и каналов, является убежищем для большого количества птиц, рыб и земноводных.

Это крупнейшее из оставшихся в Европе естественных водно-болотных угодий. Лишь 9% площади угодий постоянно находится под водой. Более 1200 видов растений, 300 видов птиц, а также 45 пресноводных рыб встречаются в биосферном заповеднике «Дельта Дуная» как в его украинской, так и в румынской части.

Хотя Дунайский биосферный заповедник в Украине занимает до 20% площади дельты, на его территории зарегистрировано пребывание 205 видов животных, подлежащих особой охране согласно Бернской конвенции, в том числе 42 вида птиц. Итак, охрана и сохранение этого “клондайка” биоразнообразия – ответственность, лежащая прежде всего на плечах Украины и Румынии.

Биосферный заповедник VS судоходный путь. Сохранить природу или получить экономическую выгоду?

Создан Дунайский биосферный заповедник в 1998 году. До этого заповедник существовал как филиал Черноморского государственного заповедника. Расходы на его создание были покрыты Всемирным банком, с которым Правительство Украины подписало соглашение в рамках проекта «Сохранение биологического разнообразия в украинской части дельты Дуная» (1995-1998 гг.).

Тогда же пришло международное признание: на всемирной выставке в Ганновере в 2000 г. от имени Украины заповедник был представлен как один из наиболее успешных экологических проектов.

Но в том же году Украина начала планировать строительство глубоководного судового хода (ГСХ) на Дунае. Официально: ГСХ «Дунай-Черное море», в народе же: «канал Кирпы», в честь министра транспорта Украины, который инициировал этот проект.

Сам Георгий Кирпа утверждал, что Украина теряет ежегодно 60 миллионов долларов США (расчет по состоянию на начало двухтысячных) из-за отсутствия собственного судоходного пути. А вместе с тем потенциальные рабочие места.

Решение лежало на поверхности: нужно построить судоходный путь, чем убить двух зайцев одним выстрелом – поднять экономику и приблизить Украину к Европе. Тогдашние власти охотно поддержали идею министра. Настолько, что не прочь были закрыть глаза на очень важный факт: строительство должно вестись в устье Быстрое на территории новообразованного биосферного резервата.

Строительство на территории заповедников, не связанное с их деятельностью, запрещено законодательством Украины. Но в 2004 году Президентом Украины был издан специальный указ, который развернул ситуацию на 180°. Согласно с ним около тысячи гектаров земель заповедной зоны были отнесены к антропогенным ландшафтам. В том числе, устье Быстрое (см. карту).

Без явных на то оснований, без согласования с Национальной академией наук Украины заповедный режим устья был ослаблен. В результате были устранены препятствия для запуска проекта.

Западная поддержка в создании биосферного заповедника четко указывала, что Европа хотела видеть дельту Дуная в статусе резервата, но нужен ли ей был новый судоходный путь?

Вес украинского ГСХ в речном судоходстве Европы

Роль речного судоходства, когда-то имевшего большое значение в средневековой экономике, постепенно падает и составляет сейчас не более 6% от всего грузооборота в Европе (тут не учитывается морская перевозка). Стоимость контейнерных перевозок по железной дороге в основном сравнилась с речными, лишая последних конкурентных преимуществ.

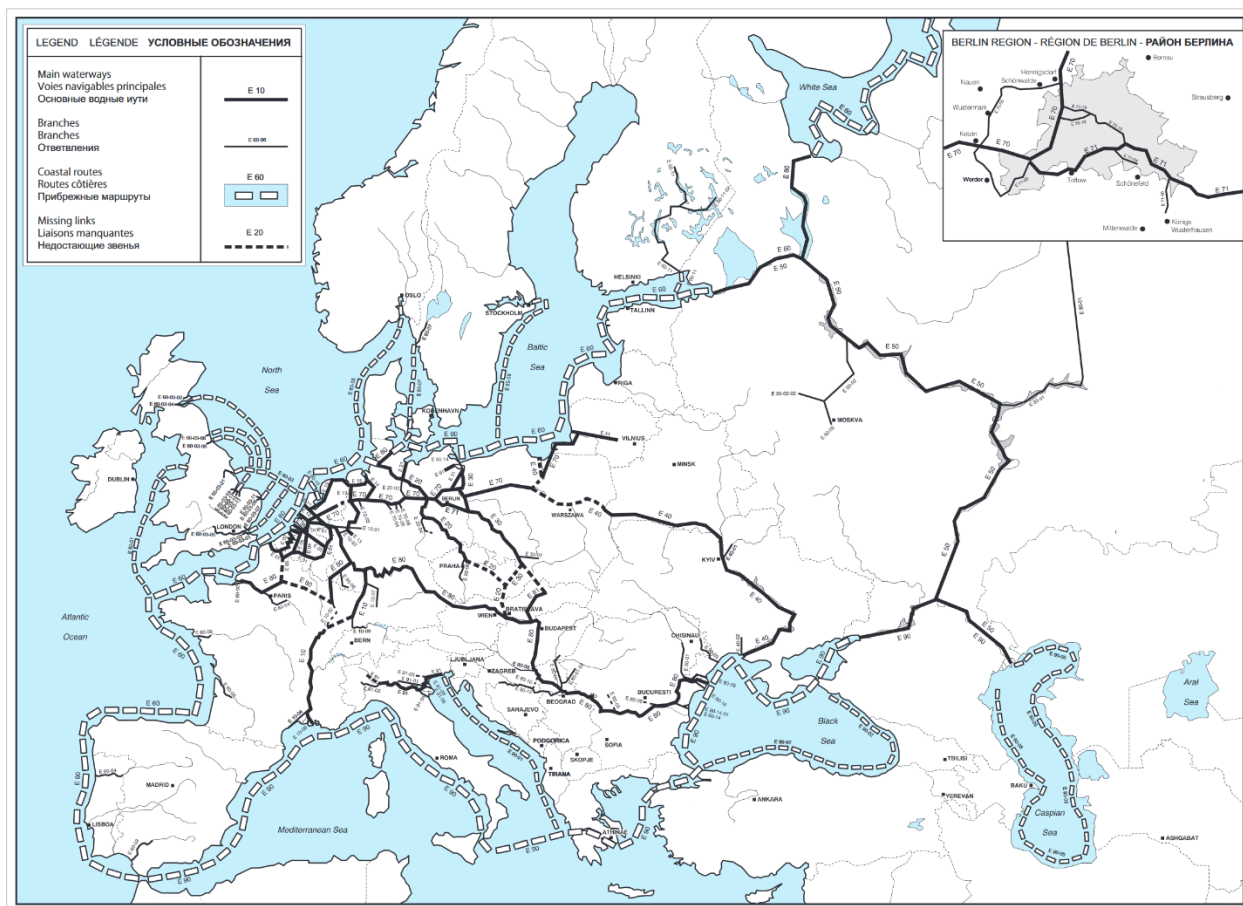
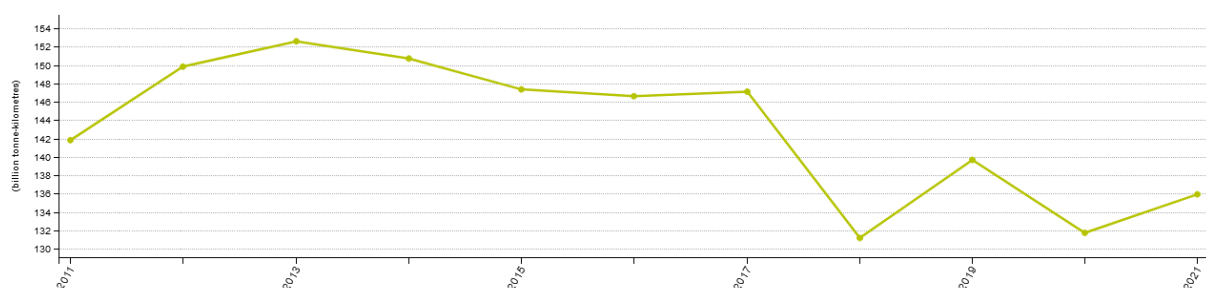

Figure: Панъевропейская система внутренних водных путей. Мастер-план. Source: Euromaidanpress

Inland waterways freight transport, EU, 2011-2021

2021: data for Italy are not included. 2017-2018: data for Finland are not included. 2011-2015: data for Sweden are not included.

2018: Break in time series.

Source: Eurostat (online data code: iww_go_atygo)

eurostat

Figure: Динамика грузоперевозок по внутренним водным путям в Евросоюзе. Source: [Eurostat](#)

Поэтому в XXI веке грузоперевозки по рекам стагнировали и уменьшались. Росли их объемы лишь за счет сообщения “река-море” на короткие расстояния в дельтах крупных рек. Так, 70% речных перевозок в Европе приходится на бассейн Рейна. Второй крупнейшей речной системой является Дунай с менее чем 8% грузооборота.

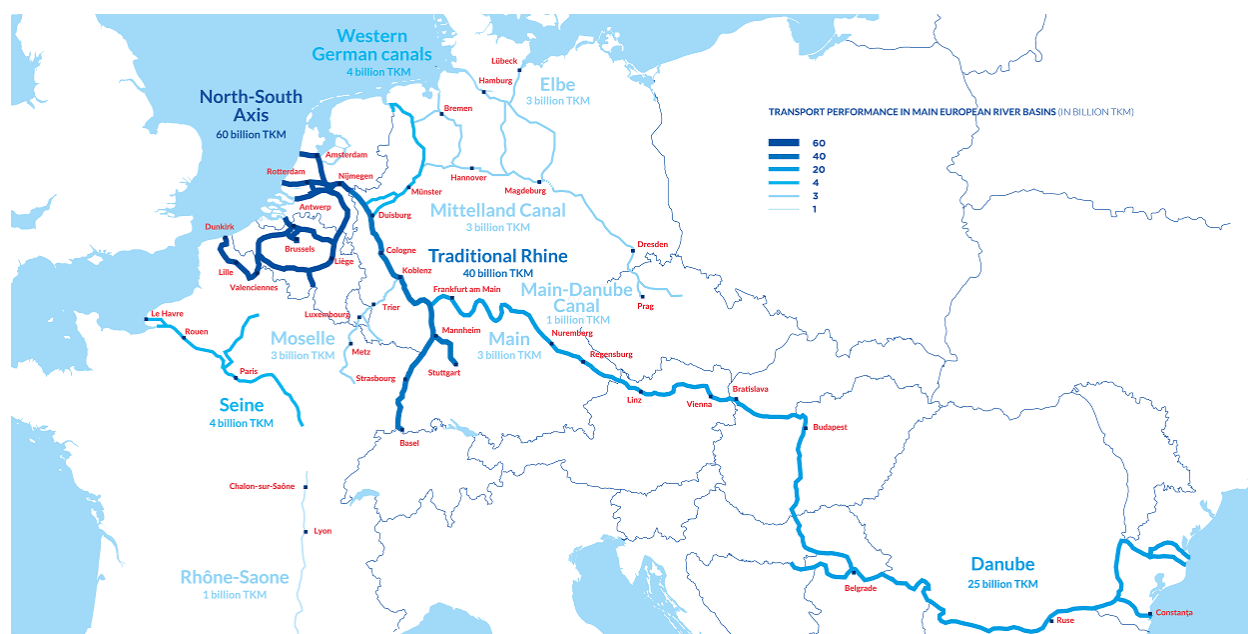
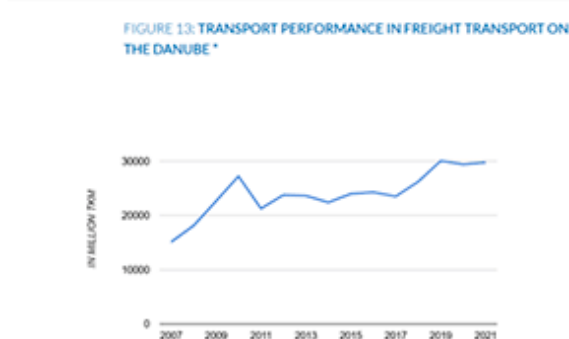
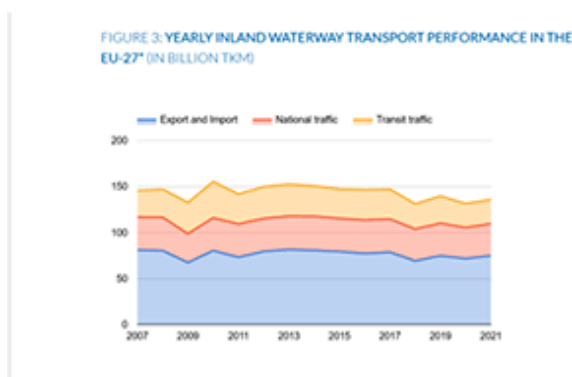

Figure: Рейн и Дунай -две крупнейшие реки Европы [Market Observation Annual Report-2019](#)

В то время как в Европе в целом речные перевозки стагнировали, на Дунае с 2007 года они выросли почти вдвое. Видимо по причине интеграции в Евросоюз новых стран бассейна. Источник <https://inland-navigation-market.org/chapitre/2-freight-transport-on-inland-waterways-2/?lang=en>

Увеличение грузооборота по Дунаю фиксируется и в портах главного потенциального конкурента Украины – Румынии.

Но география не на стороне Украины: для судов, идущих на юг от Черновода, канал «Черновода-Констанца» отсекает часть транспортного пути по Дунаю, сокращая расстояние перевозок грузов по реке. Его рентабельности уступает и глубоководный ход по Сулинскому устью в Румынии (см. карту). Однако даже этот водный путь вдвое короче проектируемого Украиной глубоководного хода устьем Быстрым (около 70 км и 170 км соответственно). Румыния, Молдова и Франция уже во время войны также [договорились](#) усовершенствовать Сулинский канал и ускорить соединение румынского порта Галац с украинско-молдавской железнодорожной веткой, что снизит конкурентоспособность дополнительных судовых ходов.

Как видно, использование украинского речного прохода для зарубежных компаний было равноценно потере времени, а следовательно, и денег. Рассчитывать на иностранные грузопотоки было неоправданным решением, но несмотря на это министерство транспорта [предусмотрело](#) в проекте ГСХ Дунай-Черное море 76 украинских и 420 иностранных судов в сутки.

Без объяснения остался вопрос, откуда возьмутся такие объемы грузоперевозок. Конечно, остается вариант транспортировки российских грузов, но даже к 2004 году [они практически ушли](#) из украинских портов, чего уж говорить о сегодняшней ситуации.

Однако власти Украины не отказались от затеи реализовать проект “полного развития” судоходного хода “Дунай-Черное море” (см. карту). Оно предполагало углубление канала [до показателя 7,2 метра](#).

При этом стоит учесть, что активное заиливание устья Быстрое не позволяет поддерживать даже проектируемую в первой очереди проходную осадку судов (5,85 м),

отставая от проектируемого показателя минимум на 2 метра ([актуальная на сегодня осадка – до 3,9 м](#)). Составить конкуренцию хотя бы одностороннему Сулинскому каналу (ГСХ “устье Быстрое” планировался как двухсторонний ход – суда должны были двигаться в обоих направлениях) с такой осадкой невозможно.

Особенно остро несостоятельность ГСХ “Дунай-Черное море” Украина ощутила [во время транспортировки зерна](#) в июле 2022 года. Освобождение острова Змеиного сделало возможным использовать устье Быстрое, но его глубины позволяют пропускать к портам только пустые либо полупустые суда. Суда с большой осадкой (свыше 1000 тонн) все равно должны выходить через Сулинский канал.

Важно отметить, что в военное время порты дельты использовались в том числе для загрузки морских судов украинским зерном, что в мирное время существенно дешевле можно делать в портах Большой Одессы. [Начать вторую финальную очередь](#) строительства ГСХ по Дунаю предлагалось именно на фоне проблемы блокады украинских морских портов Россией. Ведь для украинских судов стоимость прохода устьем Быстрым дешевле почти вдвое, чем по Сулинскому руслу.

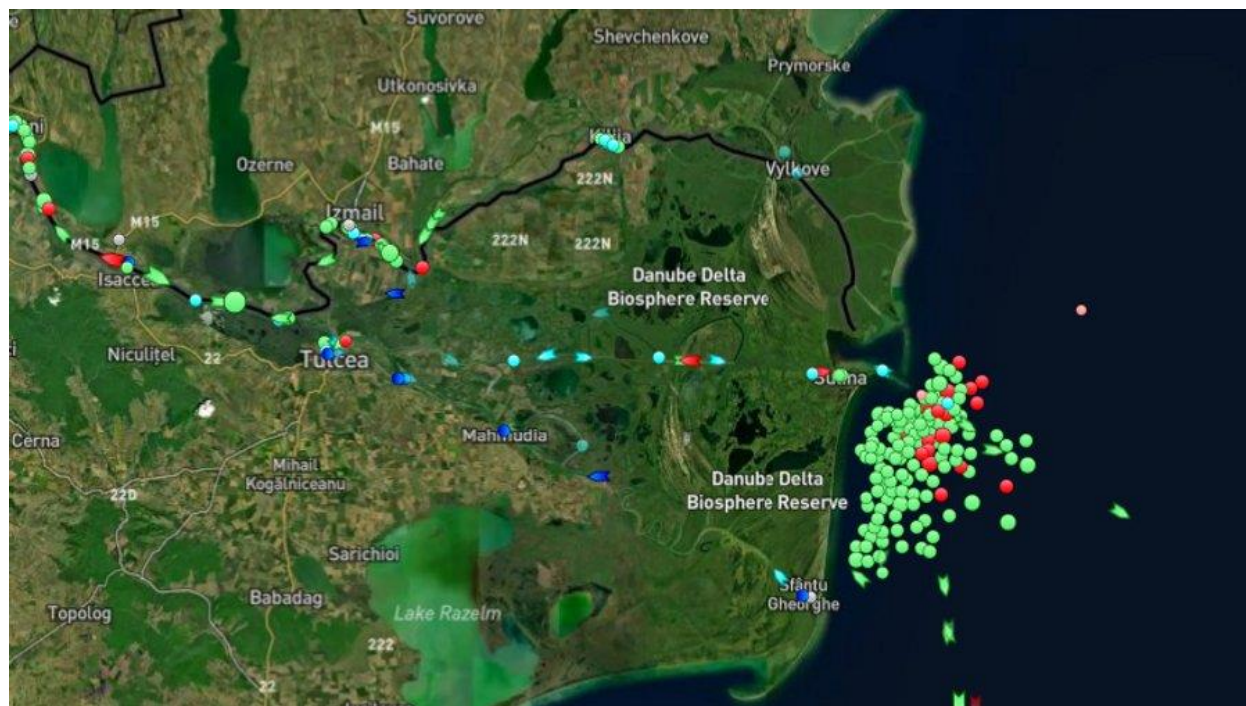

Figure: Пробка с судов, загруженных украинским зерном на входе в дельту Дуная в Черном море, 12 июля. Бросаются в глаза «пробки» на румынском Сулинском канале. Source: Marinetraffic

Цена строительства ГСХ

В течение нескольких лет назывались разные цифры стоимости строительства канала через устье Быстрое — от 38 млн. грн. в 2000 году до [более чем 500 млн грн в 2007](#). Но эти расходы нельзя назвать окончательными, ведь дело касается полноводного устья Дуная - мощной реки, несущей огромное количество взвеси и песка. А потому она нуждается в постоянном углублении и, следовательно, в дополнительных тратах.

Дунай ежегодно [выносит](#) в Черное море внушительное количество наносов и растворенных минеральных веществ – около 120 млн тонн. Все эти наносы оседают либо на дне потока, либо на шельфе моря. Нет ничего странного в том, что неустанное дноуглубление становится самой дорогой частью плана эксплуатации.

Например, в первые годы эксплуатации объемы расходов на ремонтные землечерпания по плану превышали 10 млн. грн. ежегодно. Кроме того, дополнительный общий объем годовых эксплуатационных расходов составил около 25 млн. грн (по данным проектировщиков).

Министерство транспорта и связи Украины во время строительства говорило о том, что доходы проект начнет приносить уже через три года эксплуатации. Впрочем, одного сезона хватило, чтобы ГСХ заилился и потерял глубину, необходимую для пропуска грузовых кораблей. Ответственная за строительство государственная компания «Дельта-лоцман» несколько раз провела сверхдорогое дноуглубление (при этом цена за изъятие 1 куб. м грунта выросла с 1,5 до 10 евро с 2004 года по 2006), но за период осенних штормов до весны Дунай [заносил все](#), что прорыли.

За первые два года эксплуатации канала общая сумма прямых убытков (увеличение стоимости строительства) [составляла около 200 млн. грн.](#) Государственная компания «Дельта-Лоцман», которая реализовывала проект, год за годом теряла прибыль и в итоге оказалась [в долгах](#). Не были полностью оплачены и услуги генерального подрядчика проекта – немецкой фирмы **Josef Möbius Bau-Aktiengesellschaft**. В конечном итоге она была [ликвидирована](#) в 2021 с передачей имущества в Администрацию морских портов Украины.

В то время как экономическая рентабельность сооружения ГСХ становилась все более иллюзорной, предостережения экологов сбывались.

Почему экологи бьют тревогу

Первыми, [как это часто бывает](#) в проектах строительства внутренних водных транспортных путей, проявились проблемы гидроморфологических изменений. Наносы из устья Быстрого нужно направить глубже в море, чтобы они не препятствовали движению судов. Обычно для этого строят морской подходный канал, являющийся как бы продолжением русла реки. Таковой был создан и для Сулинского устья.

В нулевых годах XXI века румынам пришлось построить систему дамб [на 5 км вглубь моря](#), чтобы защититься от наносов. Это позволяет предполагать, что подходящий канал ГСХ «Дунай-Черное море» также не ограничится современными 3,4 км. Но выкопать и такую траншею означает поднять тонны биомассы, обитающей на дне моря (бентос) и огромное количество наносов, оседавших здесь столетиями.

Как следствие, из-за дноуглубительных работ могут пострадать популяции сразу нескольких видов осетровых, мигрирующих вверх и вниз по течению в зависимости от времени года. Связано это с тем, что количество бентосных беспозвоночных (кормовой базы для осетровых) значительно уменьшится из-за дноуглубительных работ, проводимых Украиной.

При этом осетровые охраняются не только национальными и международными нормами, но и [специальными международными соглашениями](#).

Хотя учеными было [зафиксировано критическое состояние](#) всех видов осетровых, роль именно украинских работ по строительству ГСХ в этом определить трудно. Однако известно, что их популяция мигрирует именно украинским, Килийским устьем Дуная.

Но речь не только об осетрах. Правительство Румынии в своем [отчете](#) приводит данные о влиянии проекта на 78% видов птиц, гнездящихся в заливе Мусура (Musura bay), расположенном в 15 км от места впадения Быстрого в Черное море. Строительство ГСХ обеспокоило и колонии крачек, [покинувших свои гнезда](#) во время активной фазы работ. Стоит напомнить, что именно массовое гнездование колониальных птиц в прошлом было причиной создания трансграничного биосферного заповедника.

Сооружение ГСХ было сопряжено со строительством дамбы длиной 2,73 км в морском подходе канала. Так как около половины территории земель прибрежной области [было подвержено эрозии](#). Кроме сбережения склонов от размывания волнами, дамба должна была защищать суда от дрейфовых течений и ветров. Ибо дамба и правда фактически перпендикулярна [морским течениям](#), проходящим в районе дельты Дуная с севера на юг. [Строительство второй направляющей дамбы](#) числится в планах во вторую очередь. При этом стоит отметить, что по факту дамбы вносят самое большое изменение в токе наносов.

Казалось бы, какое значение для моря может иметь речная взвесь, перенесенная течением? Но именно наносы речного песка формируют географию морского побережья в дельтах. К примеру, коса «Остров Птичий» (уничтожена в следствии строительства ГСХ, как видно на спутниковых снимках до её сооружения и после, [фото со спутника](#)) была сформирована отложениями, перенесенными с устья Быстрого морскими течениями с севера на юг. Поэтому из-за [дамбы](#) на севере процесс эрозии косы будет усиливаться, а строительство дамбы на юге ускорит процесс заиления в устье и подводном канале.

Но перечень сопроводительных к сооружению ГСХ устьем Быстрым проблем на этом не кончается. Строительство нового порта (предусмотренное в стадии финальной реализации

проекта) может нанести непоправимый ущерб речным экосистемам. Есть все поводы чтобы серьезно задумываться об этом.

С началом полномасштабной войны в 2022 году правительством Украины были приняты поправки в ряд законов, касающихся [регулирования земельных отношений в условиях военного положения](#). Согласно с ними возможным становится использования земель особо охраняемых природных территорий для строительства морских портов и товарного сельхозпроизводства. Можно бы было надеяться, что речь идет не о дельте Дуная, но тем же законом в переходные положения Земельного кодекса Украины внесено очень конкретное изменение. Во время действия военного положения “передача земельных участков государственной, коммунальной собственности в аренду допускается для “...размещение речных портов (терминалов) на реке Дунай...”. Сооружение речных портов на Дунае до 2022 года было юридически невозможным, но сейчас ситуация изменилась.

В то же время на расстоянии 27 км по реке Дунай расположен бывший морской торговый порт, а ныне Кикийский портовый пункт Усть-Дунайского порта. Кикийский портовый пункт [имеет](#) обустроенную причальную линию, 4 порталных крана, открытые и закрытые складские площади, элеватор и глубоководный причал. Даже в довоенные времена он практически простаивал из-за отсутствия грузов, частично вызванного и тем, что ГСХ «Черное море-Дунай» по устью Быстрому не способен пропускать суда достаточной грузоподъемности. Рентабельность постройки еще одного порта стоит под большим вопросом. В то же время, именно этого больше всего боятся экологи.

Климатический бич, который ударил по Дунаю. Не усугубит ли проект ситуацию?

Речное судоходство – вид транспорта, с самой [сильной уязвимостью](#) к изменению климата.

В последние десятилетия Европа сталкивается с засухами, которые ограничивают движение по обмелевшему Дунаю с июля по сентябрь. В этом году обмеление было сильнее чем в 2018, когда маловодье побило [500-летний рекорд](#). Сотни судов не могли пройти по болгарскому и сербскому участкам реки, а эти страны вынуждены были взять на себя огромный объем дорогих землечерпательных работ, чтобы хоть как-то поддерживать судоходный фарватер. Германия закрыла судоходные пути для грузоперевозок.

Кикийское русло (одним из его разветвлений является устье Быстрое) - некогда наиболее полноводное среди рукавов Дуная, ныне же теряет свою водность. Еще в начале XX ст. на него приходилось 70% общего стока Дуная, в 2020 г. же – 50,0%.

В значительной степени причина этому – дамба, которая была построена Румынией рядом с мысом Измаильский Чатал более 150 лет назад. Эта каменная постройка с румынского берега ориентирована в сторону украинского и достигает почти середины русла. Вследствие этого доля стока, приходящаяся на Кикийское русло, заметно уменьшилась. Одновременно возросла доля, приходящаяся на Тульчинский рукав (что на

территории Румынии). Перераспределение стока в пользу Румынии приведёт к ускорению встречи Украины с последствиями экстремальных засух на Дунае.

Пути адаптации к обмелениям, как показали несколько исследований (заключение одного из них “Effects of climate change on inland waterway networks” можно посмотреть [здесь](#)) по заказу Евросоюза, весьма ограничены.

Как решение, можно стремиться к уменьшению осадки судов (дунайский флот в основном [имеет осадку до 2.7 метров](#), а в этом году предел составляет 1.7 метров). Так что в будущем преимущества на реке получат меньшие по размерам плоскодонные суда, хотя без учета климатических императивов их использование кажется экономически убыточным. Целесообразно также планировать использовать суда только в сезоны с достаточной водностью, пережидая засухи и/или используя иные виды транспорта в эти периоды.

Из этого следует, что интенсификация дноуглубления и тем более создание плотин для обеспечения судоходных глубин, экономически крайне затратны, а в части экологии прямо противоречат законодательству Евросоюза. Последней каплей было исключение землечерпательных работ из [“зеленой таксономии”](#).

Реакция международного сообщества

Правительство Украины [несколько раз запрашивало](#) экологическую экспертизу проектов ГСХ на Дунае. Ибо без такой экспертизы вряд ли можно было рассчитывать на финансовую поддержку строительства от международных банков.

В большинстве заключений отмечалось то, что сооружение ГСХ в устье Быстрое противоречит национальному законодательству и международным соглашениям Украины. Министерство экологии повторно запрашивало оценку альтернативных проектов до той поры, пока сотрудниками Киевского университета имени Тараса Шевченко в 2003 году не был согласован оптимальный вариант сооружения ГСХ в устье Быстрое.

В 2004 году было начато строительство первой очереди, чем было ознаменовано нарушение около 20 экологических конвенций, соглашений и деклараций, которые Украина ратифицировала или к которым присоединилась.

Первым отреагировали Европейская комиссия и Международная Комиссия по защите Дуная. Главными лоббистами экологических интересов на международной арене были неправительственные экологические организации (Environment People Law, World Wide Fund for Nature (WWF), **Socio-Ecological Union (RSEU)**, Экологическая группа “Печенег” и другие).

WWF запустили специализированную кампанию в рамках Дунайско-Карпатской программы. Они вкладывали ресурсы в анализ альтернатив проекту и держали руку на пульсе [хронологий событий](#).

Правительство Румынии также почти сразу заявило о том, что проект был подготовлен Украиной односторонне и нуждается в доработке. Они также [стали активными участниками](#) обсуждения проекта на международной арене.

Только с мая по октябрь 2004 года в защиту Дунайского биосферного заповедника выступило более чем 50 тысяч организаций и отдельных лиц из 90 стран мира. За ними последовали решения Постоянного комитета Конвенции об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе (Бернской конвенции) и комиссии Конвенции об оценке влияния на окружающую среду в трансграничном контексте (ЭКСПО). Украинской стороне рекомендовали:

- приостановить реализацию проекта;
- провести общественные обсуждения, а также коммуникацию с румынской стороной (решение о сооружении канала было принято односторонне Украиной);
- провести подробный экологический мониторинг;
- более детально проанализировать альтернативные варианты судоходному пути устьем Быстрое.

Но строительные работы Украина прекратила только на полгода. Первую очередь сдали в эксплуатацию в 2007 году.

С этого времени не прекращается процесс отчётности Украины относительно выполнения Конвенции ЭСПОО при реализации проекта ГСХ «Дунай – Черное море» и экологического мониторинга в устье Дуная. Но дело о несоблюдении требований Конвенции по сей день не закрыто. Украина [в поиске](#) компромиссных экологических решений, которые позволят ей приступить к финальной стадии реализации проекта.

Есть ли альтернативные решения?

Принятие Черноморской зерновой инициативы ООН летом 2022 могло стать де-факто альтернативой форсированному созданию канала и порта в заповедной части Дунайской дельты в военное время. Журнал UWEC уже рассказывал об этом в [статье](#) **“First wartime agreement in jeopardy?”**. Однако [Секретариат Дунайской конвенции](#) еще в сентябре ожидал, что РФ не продлит соглашение и уже проводил консультации с Румынией и Украиной по совершенствованию механизмов кооперации в дунайских портах.

Украинские судоходные пути на Дунае обеспечивают [грузооборот](#) в 10-12 миллионов тонн, а румынские – более [22 миллионов](#). Учитывая, что в Румынии уже создана обширная инфраструктура, представляется, что в дальнейшем более эффективное использование Дуная украинской стороной возможно в рамках кооперации, а не лобовой конкуренции с соседом.

В силу сегодняшних обстоятельств (то есть недостаточной пропускной способностью Сулинского канала для перевозки украинских грузов военного времени) неизбежность

развития судоходства в Украинской части дельты кажется очевидной. Но допущенные инженерные ошибки в ходе строительства первой очереди ГСХ ставят под сомнение долговременное успешное существование ГСХ в устье Быстрое. Потенциальные подрядчики же, к сожалению, купаются в иллюзии, что в районе Дунайского заповедника можно будет построить еще несколько судоходных каналов. А справедливо бы задаться вопросом выбора одного наиболее экологически и экономически оправданного варианта развития транспортной системы.

Автомобильные трассы, которые служили б подъездными дорогами к портам, могут стать реально реализуемой альтернативой каналу. Это более соответствует негласной политике Европы постепенному отказу от внутренних водных транспортных путей.

Но такой вариант крайне неэкологичен. И дело не только в эмиссии CO₂, но и в том, что для перевозки грузопотока в речные порты Украины придется строить новые дороги, так как плотность дорожной полосы в данной области достаточно низкая. Возможно, это решит логистические проблемы, но и окажет негативное влияние на экосистемы. Задымление, шумовое загрязнение, пугающее колониальных птиц, неувязки отвалов почвы, риски для животных попасть под колеса авто – вот изнаночная сторона такого проекта.

Аналог автомобильному транспорту – железная дорога – достаточно приемлемая инициатива из-за большого грузооборота и относительной дешевизны. Железнодорожное сообщение между дунайскими портами в Украине отсутствует и по сей день. Но ведется активная дискуссия об его строительстве.

Если говорить именно о речном транспорте, то бесконечному углублению прорези в устье Быстрое есть ряд более надежных (и хорошо известных специалистам) альтернатив. Ибо в силу антропогенных и природных причин, изложенных выше, в скором времени поддержание судоходных глубин ГСХ существенно подорожает.

Самым радикальным из одиннадцати альтернативных долговременных решений проблемы, предлагавшихся профессионалами, являлось переоборудование в судоходный крупного ирригационного канала Дунай - Сасык и снабжение его шлюзами. Канал проходит вне заповедника, в основном по ранее освоенным территориям и вне геоморфологически активных участков дельты. Он потребует больших начальных вложений, но будет характеризоваться большей надежностью и многократно меньшими затратами на поддержание судового хода. По сути он стал бы аналогом румынского канала «Черновода-Констанца», по которому идет сейчас большая часть грузоперевозок, хотя его географическое положение менее выгодно.

Исследование оптимальности альтернативных вариантов развития транспортной системы остается актуальным, и важно чтобы были рассмотрены, в том числе, и альтернативы речному судоходству.

Принятие противоречивых поправок в ряд нормативно-правовых актов, касающихся строительства в дельте Дуная, похоже на дежавю. В 2004 году указом Президента Украины

уникальные речные экосистемы были отданы “под ковш эскалатора”. В этот раз хотелось бы избежать поспешных решений, разогретых вторжением России в Украину.

Формулирование “продовольственный кризис”, на пороге которого стоит мир, по словам ООН толкает на мысли о том, что же может быть важнее этого. Но есть и опасность того, что угроза голода станет только прикрытием для форсирования сооружения ГСХ на устье Быстрое любыми жертвами. В тот час как мощная поддержка Украины на международной арене позволяет ей привлечь ученых и экспертов из многих стран к поиску более оптимальных и экологически ориентированных решений в дельте Дуная.

Сопротивление не бесполезно

Как выживает российский экологический активизм в условиях войны. Интервью с Виталием Серветником

Война, и предшествовавшее ей укрепление авторитарных режимов, отразились негативно на многих экологических группах и организациях. В России и Беларуси экологические активисты преследуются, а сами организации более не могут продолжать свою работу.

Фото: semnasem.org

Мы уже [писали](#) про ликвидированную белорусскую экологическую организацию Экодом, представители которой подверглись политическим преследованиям и вынуждены были покинуть страну. Недавно Экодом был признан в Беларуси «[экстремистским формированием](#)».

В России ситуация также остается напряженной. Экологических активистов преследуют, в том числе, и за их антивоенную позицию. Громким и резонансным делом стало лишение гражданства Аршака Макичяна, известного российского климатического активиста.

UWEC Work Group поговорил с Виталием Серветником, сопредседателем Российского Социально-Экологического Союза, о том, как полномасштабное вторжение в Украину отразилось на работе экологических активистов в России.

Расскажите немного о себе и об организации, которую вы представляете.

Я являюсь сопредседателем Российского Социально-Экологического Союза (РСЭС), который входит в международную сеть Friends of the Earth, а также координатором программы РСЭС по поддержке экологических активистов. Эту программу мы создали несколько лет назад, понимая, что давление на эоактивистов в России усиливается.

Последние лет восемь я объединяю тему эоактивистов и правозащитную деятельность. То есть, занимаюсь тем, что в терминологии ООН можно назвать «защитниками экологических прав человека».

Основным направлением нашей работы сегодня является мониторинг давления на экологических активистов в России. Стараемся фиксировать публичные и непубличные случаи преследования, чтобы показать регулярность этого явления.

Каждый месяц мы публикуем данные мониторинга давления на эоактивистов в [специальном бюллетене](#). Так как масштаб давления постоянно увеличивается, то у нас появилась идея создания [Эколого-кризисной группы](#) в рамках сотрудничества РСЭС и общественного экологического движения «[Нам здесь жить](#)». Сама идея группы пришла еще в 2020 году, после протестов в связи со строительством мусорного полигона вблизи станции Шиес, Архангельская область. Ее целью стал мониторинг и предоставление правовой поддержки низовым экологическим активистам, которые продолжают протестовать в общественно-политическом поле России.

Мы заметили, что в отношении институализированного гражданского общества, например, в отношении общественных организаций или экспертов, давление властей проявлялось в законах «об иностранных агентах». Что касается низовых активистов, то сбор данных по их преследованию требовал отдельной методологии и анализа. Информация не всегда была публичной, а «статьи» могли сильно разниться.

Мы стараемся собрать и сделать публичной информацию о преследовании низовых экологических активистов, если это не влечет серьезных последствий для них самих. При

этом для нас важно рассказать не только о самом преследовании, но и о проблемах, которые экоактивисты старались решить, о людях, которые участвовали в инициативах. Мы рассказываем какую конкретную помощь можно оказать преследуемому активисту или группе. Например, собрать деньги на адвоката, обратиться в СИЗО, а также как помочь решить экологическую проблему, побудившую к протестам, из-за которой активисты подвергаются преследованию.

Можно сказать, что в рамках своей программы вы собираете данные и предоставляете правовую помощь низовым активистам, если есть такая возможность?

Да, в основном в рамках программы мы ведем мониторинг. Его результаты устойчиво демонстрируют – экологических активистов в России преследуют регулярно и системно.

Причем распространение информации об этих преследованиях имеет непосредственный эффект. Спустя полтора года после начала сбора анализа таких случаев, в Общественной палате РФ было созвано отдельное заседание, посвященное давлению на экологических активистов. Результатом стало создание Координационного совета по экологическому благополучию при той же Общественной палате, который должен рассматривать, в том числе, и проблему давления на экологических активистов.

Мы допускаем, что этот институт был создан для того, чтобы «спускать пар», чтобы экологическая повестка не политизировалась, как это уже происходило в случае уже упомянутых протестов в Шиесе, когда действия экоактивистов стали настолько резонансными, что даже привели к смене губернаторов в двух регионах — в Архангельской области и в Коми. Пока наш мониторинг не выявил уменьшения преследования экологических активистов после создания данного Координационного совета.

Что изменилось в плане преследования экологических активистов в России после начала полномасштабного вторжения в Украину?

Многие экологические активисты после начала войны приняли участие в антивоенных акциях или выступили против войны. И, конечно, они подверглись преследованию со стороны властей.

После начала войны для нас важно было понять, увеличилась интенсивность преследования именно за участие в экологических кампаниях, или же это было связано с другим политическими активностями. В частности, с антивоенной позицией.

С этой целью после начала вторжения мы решили составить отдельный список экологических активистов, которые выступили против войны, и проанализировать случаи их преследования. Мы зафиксировали, что за полгода крупномасштабного вторжения более 40 активистов подверглось различным формам давления за антивоенные высказывания и действия – от задержаний и избиений до телефонных звонков с угрозами.

После появления законодательства, запрещающего называть войну войной, ситуация в отношении экологических активистов, высказавшихся против вторжения, усложнилась. Некоторые активисты и организации были вынуждены удалить свои открытые заявления, другие не удалили – и подверглись преследованию.

Например, организация Комитет спасения Печоры из Коми сделала публичное заявление против войны, что привело к тому, что ее руководителя оштрафовали. Были активисты, которые выходили на протесты и получали штрафы или несколько суток ареста.

Также у нас на сегодня есть пять уголовных дел в отношении экологических защитников и один вступивший в силу приговор. Вынесен он был по статье о нападении на сотрудника полиции. Однако причиной, скорее всего, стала политическая позиция активиста и его демонстративные действия — он прогуливался с сыном в одежде цвета украинского флага.

Это случай еще раз продемонстрировал давно действующую в российской пенитенциарной системе практику использовать такие статьи как, например, нападение на сотрудника полиции для политически обусловленного уголовного преследования.

Уменьшилась или увеличилась интенсивность экологических протестов в России после начала войны?

С одной стороны, некоторое снижение количества экологических протестов в России мы можем связать с тем, что протестный потенциал пошел на антивоенные действия. С другой, мы видим, что реакция властей ужесточается и сегодня мы видим увеличение интенсивности уголовного преследования экологических активистов.

Так, раньше суды против экологических активистов назначались раз в пару месяцев, а сами дела тянулись годами. Сегодня мы каждую неделю публикуем отчет об уголовном и административном преследовании, а суды проходят намного быстрее. Каждую неделю проходит по два — три заседания.

Отдельно стоит отметить, что этим летом мы зафиксировали более интенсивное преследование работников особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Зачастую

давление оказывается также по «подложным» статьям. Можно предположить, что давление связано с желанием вывести из природоохранного статуса территории ООПТ.

Однако, на мой взгляд, сегодня мы наблюдаем не что-то новое, а развитие тенденции к ослаблению экологического законодательства в России и преследованию экологов. Этой тенденции уже не один год. Ослабление экологического законодательства идет с 2000 года. Так, например, одним из первых указов Владимира Путина, после того, как он пришел к власти, стало упразднение Комитета по экологии, который фактически был государственным институтом по охране окружающей среды. И всегда находились “обоснования”, почему необходимо отказаться от того или иного закона. Сегодня еще одной “причиной” стали санкции.

Так что для нас это один тренд, который существует уже не первый год. И который приводит к тому, что вести природоохранную деятельность в России становится все сложнее. Объясняя свои действия необходимостью поддерживать экономику, государство и представители бизнес теперь могут еще более беспрепятственно использовать природные ресурсы. В том числе, и на особо охраняемых природных территориях.

Происходящие сегодня в России политические процессы приводят к тому, что правовая рамка ослабевает. И “силовики”, и суды начинают чувствовать себя свободнее в преследовании активистов. Это может еще негативнее отразиться на интенсивности протестной деятельности. Однако, на мой взгляд, экологические протесты никуда не денутся, так как они непосредственно касаются жизни человека, его здоровья, права на здоровую окружающую среду.

Можем ли мы говорить о массовых репрессиях против экологических активистов и организаций в России? Например, подобных тем, что прошли в Беларуси в 2020-21 годах, когда экологические организации были ликвидированы, а многие активисты получили административные, уголовные дела, вынуждены были покинуть страну.

Несмотря на крайне неблагоприятную ситуацию, думаю, что о тотальных преследованиях экологических активистов в России говорить не приходится. Тут я соглашусь с мнением, что если в Беларуси тоталитарный режим, то в России он авторитарный. Преследование и давление тут несут во многом демонстративный характер. Выбирается несколько случаев (дел), которые доводятся до своего brutального конца, например, лишение гражданства климатического активиста Аршака Макичяна.

Можно сказать, что сегодня в России режим работает по демонстративно-устрашающей модели, когда наиболее заметные и наиболее яркие фигуры подвергаются преследованию. Однако большинство других активистов не задерживают сразу, а посредством намеков и

запугиваний либо предлагают прекратить им протестную деятельность, либо подталкивают к тому, чтобы уехать из страны.

Конечно стоит отметить, что ситуация сильно зависит от региона. От действия и позиции региональных властей. Где-то мы наблюдаем более интенсивное преследование, где-то власти оказывают давление только на более активных членов общества. Однако говорить о массовых репрессиях, сравнимых, например, с ситуацией в Беларуси, нам не приходится.

Также будет неправильно говорить о том, что в России нет правовой возможности защитить экологических активистов. Ситуация неблагоприятная, однако механизмы сохраняются. Есть примеры, когда активистам удалось защититься и отстоять свои права. И даже выиграть дело о преследовании. Поэтому наш лозунг последних лет звучит так: «Сопротивление не бесполезно».

Можно ли сказать, что все экологическое движение в России занимает антивоенную позицию?

Нет, все же это люди с различными политическими и идейными взглядами, которых объединяет желание защитить здоровую окружающую среду. Причем разобщенность эта проявилась не только во время начала войны, она была заметна и ранее. Так, например, во время COVIDa мы видели, как люди с разными позициями в отношении вакцинации – как выступавшие «за», так и «против» – одинаково активно участвовали в экологических акциях.

Такие ситуации как в случае войны или COVIDa могут приводить к расколу групп низовых активистов – когда они высказывают разные позиции и могут даже прекращать сотрудничество по причине противоположных взглядов и приверженности противоположным идеям. Поэтому отождествлять экологический активизм и антивоенную позицию будет неправильно. Это подтверждают и данные нашего мониторинга.

За последний год Россия столкнулась с активной миграцией из страны. Многие уехали в знак протеста против начала войны. Вторая волна миграции началась после объявления мобилизации. Есть ли тенденция к тому, что экологические активисты также покидают страну?

Насколько мне известно, низовые экологические активисты редко уезжают, если нет прямой угрозы преследования. Это во многом обусловлено тем, что если они покинут территории, которые защищают, то потеряют возможность влияния. Собственно потеряют предмет своей экоактивисткой деятельности.

Экологические защитники сильно привязаны к месту, окружающей среде, которую они защищают. Отстаивать политические права можно пробовать и удаленно, а вот защищать свой лес из другой страны вряд ли получится. Неслучайно экологических активистов еще называют «защитниками территорий».

С теми же, кто по тем или иным причинам вынужден был уехать, мы стараемся продолжать поддерживать связь. Эти люди хотели бы быть полезными для российского гражданского и экологического общества. И тут они в первую очередь могут позволить себе говорить то, что находящиеся в России позволить не могут. Это конечно же очень важно.

С какими основными вызовами столкнулось российское сообщество экологических активистов после начала войны?

Как я уже говорил, сегодня мы можем наблюдать некоторый разрыв в экологическом сообществе между теми, кто уехал и теми, кто остался. Первые могут позволить себе занимать более бескомпромиссную позицию. Вторые обладают преимуществом работы на местах, у них больше конкретных данных, но они вынуждены взаимодействовать с властями и оглядываться на законодательство. Наладить взаимодействие между этими двумя группами — большой вызов для российского экологического сообщества.

В идеале те, кто “остался на местах”, могут иметь возможность доносить информацию через тех, кто находится в безопасности, кто может ее безнаказанно распространять. Но главное, что сегодня важно — это консолидировать работу экологических активистов, найти способы поддержки как тех, кто выехал, так и тех кто остается в стране. Для последних эта поддержка может быть принципиально значима, так как именно они непосредственно занимаются решением экологических проблем в России. И важно помнить, что «сопротивление не бесполезно».

UWEC Work Group
2022